

ПУТЬ
СОЛДАТОВА

Митрополит Солдатова Книга 7

Alexander Grigoryev

Путь Солдато́ва

Александр Григорьев

Митрополит Солдато́ва. Книга 7

«Автор»

2026

Григорьев А. С.

Митрополит Солдатова. Книга 7 / А. С. Григорьев — «Автор»,
2026 — (Путь Солдатова)

Невенчанный царь Дмитрий ищет легитимность. Брачная дипломатия, возвращение великих рек, союз с казаками и Таврийский поход. Митрополит из Константинополя, интриги, страсть и рождение империи.

© Григорьев А. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Невенчанный царь	5
Часть I. Ожидание	8
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Александр Григорьев

Митрополит Солдатова. Книга 7

Пролог. Невенчанный царь

Из «Хроники Посольского двора», запись под 7096 годом:

«В те дни великий князь Дмитрий Иванович, прозванный Соколовым, правил страной, что зовётся ныне Великой Посконией, но венчания на царство ещё не принял, ибо митрополит из Константинополя не прибыл. И был он для своих – Соколов, а для чужих земель – Великий князь, что ниже царского достоинства. И тяготился он разрывом между тем, кем был внутри державы, и тем, кем его считали за её пределами».

Осень 7096 года от сотворения мира. Царьград, Кремль.

Тот день выдался на редкость погожим для поздней осени. Солнце, прорвавшееся сквозь низкие тучи, заиграло на золотых куполах, и Кремль на миг забыл о том, что за стенами – пустая казна, голодные окраины и долгое ожидание. Дмитрий стоял у окна в своих покоях, глядя на дорогу, что уходила к Днепру. Год с лишним прошёл с тех пор, как войско Радзивилла вступило в столицу, а голова последнего из «утончённых» покатила по камням Успенского собора. Год с лишним, как он правил страной, которую собрал под рукой Соколовых. И всё это время он был не царём, а лишь Великим князем – для своих, но не для чужих.

В Грановитой палате было натоплено, но холод стоял иной – не телесный, а тот, что селится в душе, когда власть неполна. Трон, на котором он имел право сидеть как законный наследник, пустовал. Не потому, что Дмитрий боялся сесть на него – он уже год вершил суд и расправу, стоя у царского места. Но знал: без венчания, без митрополичьего благословения он не царь. Для своих – Соколов, для внешнего мира – Великий князь. И этот разрыв тяготил сильнее любой кольчуги.

В палате уже ждали. У стола, покрытого зелёным сукном, сидели ближние люди: Лиза, главная жена, державшая в руках не только гарем, но и половину хозяйственных дел; старый Агафон, чьи глаза и уши раскинулись по всей стране; Шереметев, седой воевода, чьи полки были главной опорой; Радзивилл, тесть, некогда державший его в подземелье, а ныне – верный союзник. У окна, кутаясь в шаль, стояла вдовствующая царица Мария Фёдоровна. Она не участвовала в советах, но всегда была здесь – знаком того, что род Соколовых признаёт своего приёмного сына.

– Садись, государь, – сказала Лиза, указывая на место во главе стола. – Посольские дьяки уже здесь.

Дмитрий сел. Перед ним разложили карту – не ту, что висела в думной палате, с границами Гранд-Посконии, Болотной страны, Мышиного королевства и Дикого поля. Другую, старую, исчерченную синими и красными линиями, с пометками на греческом и латыни. Карту, которую вытащили из архивов Разрядного приказа и которая показывала то, о чём в Царьграде предпочитали не говорить.

– Государь, – начал дьяк Посольского приказа, сухой старик с цепкими глазами, разворачивая свиток, – докладываем о великих речных путях, кои в древности служили кровеносными жилами нашей державы. Путь по Днепру – от северных земель до эллинского моря. Путь по Итили – от верховьев до Каспия, где торгуют с персами. Ныне оба пути из рук наших ушли. И не вчера – пятьсот лет тому, когда держава Соколовых распалась.

– Знаю, – сказал Дмитрий. – Тысячу раз слышал. Ты скажи мне, кто держит их теперь.

Дьяк переглянулся с товарищем, потом продолжил:

– Днепр – под рукой Серебряного ордена. Итиль – под рукой Золотого. Ордена эти возникли в те самые времена, когда княжества наши воевали меж собой и торговать мешали. Тогда купцы, дабы не терять пути, наняли войска и взяли перевозки и пороги под личную охрану. С тех пор так и повелось. В ордена входят люди разных земель, но посконцев там почти нет. Ибо, как записано в старых хартиях, великие реки отданы под руку орденов на веки вечные, понеже государи посконские не могли уберечь их от разорения и междуусобиц. Да будут они хранимы теми, кто может защитить, донележе не явится государь, коий соберёт земли воедино и докажет силу свою.

– Пятьсот лет, – тихо сказала Лиза. – И за всё это время ни один посконский государь не доказал свою силу?

– Доказывали, матушка, – ответил дьяк. – И воевали, и миром просили. Но ордена – они как реки: текут своим путём. Им выгодно самим держать пути. Доходы с перевозов, пошлины, охрана судов – всё это даёт золото, а золото даёт силу. Они не отдадут просто так.

– И что же нам делать? – спросил Шереметев, хмурясь. – Воевать с ними? У нас и армии-то полной нет.

– Воевать – значит, потерять то, что имеем, – ответил Агафон, до того молчавший. – Ордена сильны. У них деньги, люди, корабли. И опыт – пятьсот лет.

– Есть два пути, – сказал Дмитрий, обводя взглядом карту. – Первый – стать сильнее. Укрепить свою власть, наполнить казну, собрать войско, которое не побоится орденов. А второй... – он помолчал, – второй – войти в ордена самим. Не рядовыми членами – на высокие позиции. Стать им своими.

В палате стало тихо. Лиза подняла глаза, и в них мелькнуло понимание:

– Через браки?

– Через браки, – подтвердил Дмитрий. – И не только. Золотой орден, говорят, возглавляет женщина. Старая, бездетная, ищет преемника. А Серебряный расколот – часть его членов ищет союзников. Мы можем стать им родственниками, братьями, сыновьями. Но для этого нужно время. И деньги. И митрополит, который признает матриархальные браки законными. Без него – ни в ордене, ни в Мышином королевстве, ни в Болотной стране нас не признают.

– А митрополит всё не едет, – вздохнула Мария Фёдоровна, впервые подавая голос. – Год прошёл, а из Константинополя – ни слуху ни духу.

– Едет, – сказал Агафон. – Мои люди передали: назначен, путь держит через Днепр и Дикое поле. Но дорога долгая. И кто он – наш ли епископ или ставленник Патриарха – пока неизвестно.

Дмитрий поднялся, подошёл к окну. За стёклами кружил первый снег. Где-то там, на западе, северяне держали Смоленск и пять губерний, требуя за их возврат брак с принцессой Кристиной и признания его «Великим князем», но не царём. На юге, в Таврии, султан сидел на земле, которая когда-то принадлежала Софье, той самой принцессе Второй Империи, чей брак с Соколовыми дал им право на титул Базилевса. А реки – Днепр и Итиль – текли в руках тех, кто не признавал ни Соколовых, ни царского титула.

– Мы не можем ждать, – сказал он, не оборачиваясь. – Будем готовиться. Брачные союзы с теми, кто держит соляные промыслы, рудники, перевозки. Переговоры с орденами. И ждать митрополита. Когда он приедет – у нас должно быть всё готово. И казна, и армия, и союзники. Чтобы он увидел не пустого царя, а того, кто может править. И чтобы у него не было причин отказать нам в венчании.

Он обернулся. В глазах его, серых, с тёмными крапинками, горел тот самый огонь, который когда-то вёл его из подземелья Вильно к свободе, а потом – к победе.

– А пока, – сказал он, – будем делать то, что умеем. Будем плести сеть. И пусть ордена помнят: Соколовы возвращаются. Не с войной – с правом. И правда на нашей стороне.

За окнами завывал ветер, и в его вое чудился далёкий гул – не то приближающаяся кавалькада, не то раскаты грома над рекой. А может, то была сама история, стучавшая в ворота Царьграда.

Из «Писцовой книги Разрядного приказа» (черновик, 7096 г.):

«Великий князь Дмитрий Иванович, видя, что без рек – ни казны, ни силы, повелел готовить переговоры с Золотым и Серебряным орденами, а также налаживать брачные союзы с теми, кто держит в руках соляные промыслы, рудники и перевозки. Ибо, по слову государеву, "столбовая власть не токмо в книге, но и на реке: где столб вкопан, там и сила". И наказано было ближним людям: к прибытию митрополита всё должно быть готово».

Часть I. Ожидание

Глава 1. Гонцы

Тот день выдался на редкость погожим для поздней осени. Солнце, прорвавшееся сквозь низкие тучи, заиграло на золотых куполах, и Кремль на миг забыл о том, что за стенами – пустая казна, голодные окраины и долгое ожидание. Дмитрий стоял у окна в своих покоях, когда в дверь постучали.

– Государь, гонец! – голос стремянного был взволнован. – Из Константинополя! Спешная весть.

Сердце ёкнуло. Он перекрестился на образ в углу и вышел в сени.

Гонец стоял посреди караульной избы, ободранный, в дорожной пыли, коня под ним, верно, загнали до смерти. В руках – запечатанный пакет с сургучом, на котором угадывался герб Патриарха. Дмитрий сломал печать, развернул пергамент. Глаза пробежали строки: «... благочестивейший митрополит Феокист... отбыл из Царьграда... путь держит через Днепр... вскорости будет...»

– Жив, Господи, – выдохнул кто-то из слуг.

Дмитрий перечитал дважды. Митрополит. Наконец-то. Он уже видел в мыслях Успенский собор, полный народа, торжественное облачение, венец на своей голове. Но радость оказалась недолгой.

Второй гонец прискакал на рассвете следующего дня. Его конь пал у самых ворот, и самого гонца втащили в Кремль под руки. Он был бледен, губы запеклись, но глаза горели тревогой. Дмитрий принял его в Грановитой палате, где уже собрались ближние.

– Государь, – прохрипел гонец, протягивая второй пакет, – митрополит... он не посконский епископ. Эллин. Ставленник самого Патриарха.

В палате стало тихо. Дмитрий взял грамоту, прочитал. Слова были те же, но приписка на полях, сделанная рукой посольского дьяка в Константинополе, добавляла: *«Феокист, родом из Эллады, человек Патриарха. С ним жена Елена и двое детей. Ожидайте строгого блюстителя канонов»*.

– Эллин, – сказал Шереметев, первым нарушив молчание. – Что ему до наших обычаев? До матриархата? До браков, коими мы земли крепим?

– Ставленник Патриарха, – добавил Радзивилл, хмурясь. – Стало быть, свои порядки привезёт. И унии, поди, потребует. Или ещё чего.

Агафон, сидевший в углу, молчал, только покусывал губу. Лиза, главная жена, стояла у стола, сложив руки на груди. Мария Фёдоровна, вдовствующая царица, не проронила ни слова, но в глазах её застыла тревога.

– Чего ждать от чужого? – спросил Дмитрий, обращаясь ко всем и ни к кому отдельно.

– Всего, государь, – ответил Агафон. – Патриарх ныне меж двух огней. Султан давит, Римский Папа унии требует. Возможно, он шлёт к нам человека, дабы иметь в Посконии верного слугу. А возможно, ищет убежища для своих. Но ясно одно: Феокист не наш.

– Или наш, – вдруг сказала Лиза. Все обернулись к ней. – Он едет к нам. Он будет жить среди нас. Его жена, его дети – здесь. А мы умеем принимать гостей, – она усмехнулась уголком губ, и в этой усмешке было что-то от той прежней, робкой Лизы, что когда-то боялась поднять глаза, и от новой, твёрдой хозяйки, знающей цену слову. – Чужой станет своим, если мы захотим.

Дмитрий посмотрел на неё долгим взглядом. Она была права. Как всегда.

– Готовьте встречу, – сказал он, вставая. – Элитный полк – на Днепр, встречать и сопровождать. Пусть видят, что мы не дикари, что у нас есть войско, порядок, сила. И пусть мит-

рополит знает: он едет не к покорным холопам, а к Великому князю, который собрал земли предков.

В тот же день гонцы ускакали навстречу митрополиту. А в Кремле началась работа.

Из «Хроники Посольского двора», запись под 7096 годом:

«В месяце октября, в 12-й день, получена весть из Константинополя: Патриарх Вселенский поставил митрополитом на всю Страну Соколовых грека Феоктиста, мужа учёного и строного жития, с женою и чадами. В Посольском приказе состоялось совещание: опасались, что ставленник чужеземный станет насаждать обычаи, противные матриархату, и венчать государя не станет без уступок. Однако великий князь Дмитрий Иванович повелел встретить митрополита с подобающей честью, дабы показать силу и порядок державы. Для сопровождения наряжен элитный полк конницы под началом воеводы Шереметева».

Две недели ожидания потянулись медленно, как смола. Дмитрий не находил себе места. По ночам он бродил по Кремлю, поднимался на стены, глядел на дорогу, уходящую к Днепру. С ним была Лиза. Она не спрашивала, не утешала – просто шла рядом, иногда касалась руки, и от этого прикосновения тревога отступала.

– Что, если он потребует отменить матриархальные браки? – спросил он однажды, стоя на стене. Ветер трепал полы его кафтана, звёзды мерцали холодно. – Что, если откажется венчать меня без унии с Римом?

– Не откажется, – ответила Лиза. – Ему нужны мы не меньше, чем мы ему. Патриарх не дурак. Он понимает: если митрополит не найдёт общего языка с Посконией, мы обойдёмся без него. Как обходились год.

– Обойтись без митрополита – значит остаться Великим князем, а не царём. Для внутренних дел – сойдёт. Для внешних – нет. Северяне не признают, ордена не примут, мыши не покорятся.

– Значит, найдём общий язык, – твёрдо сказала Лиза. – Как находили с Радзивиллом, с Ганной, с Ядвигой. Люди везде одинаковы: хотят, чтобы их уважали, чтобы детям их было хорошо, чтобы вера была крепка. А уж если у митрополита есть жена...

– И что?

– Жена – наш главный союзник, – усмехнулась Лиза. – Ты забыл, как Ядвига и Ольга поладили? Как Софья Радзивилл стала твоей женой, а её брат – союзником? Женщина, оказавшись в чужой стране, ищет подруг, ищет, где ей будет хорошо. Её не волнуют каноны, её волнует, примут ли её, будет ли у неё место, будут ли её дети в почёте. А у нас с этим порядок.

Дмитрий посмотрел на неё с уважением, смешанным с нежностью.

– Ты уже строишь планы?

– Всегда, – ответила она.

Они вернулись в покои, когда уже светало. Дмитрий не спал – сидел у окна, перебирал в памяти всё, что знал о Константинополе, о Патриархе, о том, что мог означать приезд эллина. Лиза уснула на его плече, и он бережно укрыл её тулупом.

Мысли его были тяжёлы. Феоктист. Эллин. Ставленник Патриарха. За ним – весь Константинополь, где ещё теплилась память о Второй Империи, где ещё помнили, что Соколовы получили титул Базилевса от Софьи, принцессы эллинской. Что, если он привезёт с собой не только грамоты, но и притязания? Что, если захочет поставить Посконию в зависимость?

А с другой стороны – что, если он просто человек, ищущий опоры, как все? Патриарх присылает своего человека в страну, которая может стать союзником, а может – врагом. Феоктист, наверное, тоже не знает, чего ждать. Может, боится. Может, надеется.

Дмитрий усмехнулся. Они оба не знают. И это, пожалуй, лучше, чем если бы одна сторона была уверена в своей силе, а другая – в своей слабости. Они будут узнавать друг друга. Как узнавали с Радзивиллом. Как узнавали с Ганной. Как узнавали со многими, кто стал своим.

На столе, под рукой, лежала карта – та самая, с Днестром и Италья, с пометками о порогах и перекатах, о «тягловых столбах», что когда-то служили опорой для судов и для родов. Дмитрий провёл пальцем по синему руслу Днестра, где сейчас, должно быть, ехал митрополит. Скоро они встретятся. Скоро начнётся новая игра. И в этой игре ставкой была не просто власть – сама судьба Великой Посконии.

За окном занимался рассвет. Где-то за Днестром, в обозе, сопровождаемом элитным полком, двигался к Царьграду человек, от которого зависело, станет ли Дмитрий царём или останется Великим князем. Дмитрий перекрестился и подумал: будет, что будет. Но он готов. Он всегда готов.

Из «Писцовой книги Разрядного приказа» (черновик, 7096 г.):

«Великий князь Дмитрий Иванович, получив весть о прибытии митрополита Феоктиста, повелел: для встречи и сопровождения до Царьграда отрядить элитный полк конницы (пять сотен сабель) под началом воеводы Шереметева. Полку следовать до Днестра, принять митрополита с подобающей честью, охранять от лихих людей и нечисти, коей, по слухам, в Диком поле водится. Также наказано было посольским дьякам подготовить грамоты: для Северного королевства – с известием о прибытии митрополита и скором венчании; для Золотого и Серебряного орденов – с предложением о переговорах по речным путям. Ибо, по слову государеву, «когда митрополит будет в Царьграде, надобно, чтобы всё было готово: и казна, и войско, и союзники».

Глава 2. Пустая казна

Из «Писцовой книги Разрядного приказа» (черновик, 7096 г.):

«В те дни воевода Шереметев бил челом великому князю: войско, де, есть, полки стоят, но кормить нечем. Казна от военных расходов оскудела, новых сборов не налажено, а купцы, видя неопределённость, не торопятся платить пошлыны. И сказал на то великий князь: "Армия без хлеба – что поле без семени. Надобно искать иные способы, не токмо налогами". И повелел собрать совет».

Совет собрали наутро после того, как гонцы ускакали навстречу митрополиту. В малой думной палате, где обычно решались дела тайные, накрыли стол с картами, списками полков и выкладками казначея. Дмитрий сидел во главе, Лиза – по правую руку, Шереметев, Агафон, Радзивилл – по левую. В углу примостился дьяк Казначейского приказа, сухой старик с трясущимися руками, который раскладывал перед собой свитки с цифрами.

– Докладывай, – велел Дмитрий.

Шереметев встал первым. Он был стар, сед, но держался прямо, как держался всю жизнь – и в бою, и на совете. Раненная рука, память о схватке с оборотнем в Царьграде, всё ещё ныла, но он не жаловался.

– Государь, – начал он глуховатым голосом, – армия наша, что осталась после войны с Шуйским, есть. Пятнадцать тысяч конных, двадцать пеших, пушкари, стрельцы – всё при деле, всё при оружии. Но кормить их нечем. Казна пуста. Запасы, что собрали по губерниям, на исходе. А новых сборов нет.

– Как нет? – нахмурился Радзивилл. – Земли под нами – от Днестра до Волги. Гранд-Поскония, Болотная страна, Дикое поле. Неужели не с кого собрать?

– Собрать есть с кого, – ответил дьяк Казначейского приказа, робко подавая голос. – Да только платить никто не торопится. Купцы ждут, пока царь будет венчан, пока порядок утвердится. А без денег и порядка не утвердить. Круг.

– Замкнутый, – кивнул Шереметев. – И потому, государь, докладываю: если до весны не найдём способа наполнить казну, армию придётся распускать. Половину – точно. А без армии кто удержит границы? Северяне только того и ждут, чтобы мы ослабли. Мыши затаились, но

не смирились. Болотные магнаты, что не вошли в наш союз через браки, только и смотрят, как бы ударить.

В палате стало тихо. Дмитрий смотрел на карту, разложенную перед ним. Реки – Днепр, Итиль, Кама, Северная Двина – синели жилами, и он знал: именно там, на этих реках, текли настоящие деньги. Пошлины с перевозов, плата за проводку судов через пороги, торговая пошлина, соляной доход. Но реки были в руках орденов, а соляные промыслы и рудники – в руках частных владельцев, которые не спешили делиться с казной.

– Что же делать? – спросил он, не столько у совета, сколько у самого себя.

Лиза, до того молчавшая, подняла голову. Она была бледна – последние недели её мучила утренняя тошнота, и Дмитрий уже догадывался, что это значит, но она пока не говорила. В глазах её, однако, горел тот самый огонь, который он видел в Вильно, когда она помогала плести сеть, а потом – в Царьграде, когда они ждали митрополита.

– Не отнимать, – сказала она твёрдо. – Привязывать.

– Как? – спросил Радзивилл.

– Браками, – ответила Лиза. – У нас, в Посконии, женщина – глава рода. Она владеет землёй, промыслами, перевозами. А муж входит в её род. Дмитрий должен стать мужем для тех, кто держит в руках соляные варницы, рудники, речные перевозки. Или братом, или сыном. Чтобы их дети носили наши имена, чтобы их богатство стало нашим. Не отнятым – общим.

– Ты предлагаешь, – медленно сказал Радзивилл, – чтобы он женился на всех богатых вдовах и наследницах Посконии?

– Не на всех, – усмехнулась Лиза. – На ключевых. Соляные промыслы Прикамья – за Марфой Строгановой. Железные рудники Урала – за княгиней Волконской. Медные – за вдовой Глебовой. И не только жениться. У Марфы Строгановой нет детей, она ищет, кому передать дело. Если Дмитрий возьмёт её племянницу в жёны, а сам станет ей сыном – промыслы наши. Если он женится на дочери княгини Волконской – рудники наши. И так – по всей стране.

– И сколько же таких браков? – спросил Шереметев, и в голосе его слышалось сомнение.

– Десяток, – ответила Лиза. – Может, полтора. Но каждый из них принесёт не только доход, но и верных людей. Те, кто войдёт в наш род, будут защищать его как свой. Потому что он и станет своим.

Дмитрий молчал, глядя на неё. Она была права. Как всегда. Войной и конфискацией можно было наполнить казну быстро, но потерять всё – доверие, союзников, саму возможность править. Браками же – медленно, но надёжно. Так он уже делал в Болотной стране, так делал в Гранд-Посконии. Почему бы не распространить эту стратегию на всю экономику?

– А что скажут сами невесты? – спросил он, уже зная ответ.

– Они сами хотят этого, – ответила Лиза. – Марфа Строганова уже прислала письмо. Она стара, наследников нет, соседи давят. Ей нужен сильный покровитель, а её роду – продолжение. Что может быть лучше, чем породниться с самим великим князем? Волконская – вдова, у неё дочь на выданье. Глебова – в ссоре с мышиными купцами, ищет защиты. Они сами придут к нам. Надо только не спугнуть.

– А если не придут? – спросил Радзивилл. – Если решат, что выгоднее держаться за свои промыслы самим?

– Тогда мы предложим больше, – усмехнулась Лиза. – Защиту. Долю в госзаказах для армии. Участие в государственных делах. Имя. И дети, которые будут носить их имена. Что может быть дороже для матери, чем знать, что её род не прервётся, что её имя останется в истории?

Дмитрий посмотрел на карту, где синели реки, на списки полков, где стояли цифры голодных солдат, на счета казначея, где не было ни гроша. Потом перевёл взгляд на Лизу. Она ждала, спокойная, уверенная. Она всегда была уверена. Даже когда он сам сомневался.

– Хорошо, – сказал он. – Начинаем переговоры. Лиза, ты возмёшь на себя женскую линию. Агафон, через твоих людей – разведать, кто ещё из владельцев промыслов ищет союза. Шереметев, готовь эскорт для будущих жён – пусть знают, что мы умеем защищать. Радзивилл, через твои связи – разузнай о Марфе Строгановой: что за человек, чего хочет, кого боится.

Он обвёл взглядом совет:

– Мы не можем ждать митрополита с пустыми руками. Когда он приедет, мы должны показать ему не голодную армию и пустую казну, а страну, которая собирается в единое целое. И не мечом – родством. Пусть знает: в Посконии брак – это не просто таинство, это государственное дело. И если он захочет править здесь, ему придётся это принять.

– А если не примет? – спросил Радзивилл.

– Примет, – ответил Дмитрий. – Потому что у него тоже есть жена. И мы сделаем так, чтобы она чувствовала себя здесь как дома.

В палате повисла тишина, а потом Шереметев усмехнулся в седые усы:

– Бабьей дипломатией, значит, будем брать? Ну что ж, умеем. Не впервой.

Лиза улыбнулась, и в этой улыбке было что-то от той робкой девочки, которую Дмитрий когда-то встретил на крыльце усадьбы, и что-то от уверенной хозяйки, которая держала в руках гарем, казну и теперь – целую страну.

– Не бабьей дипломатией, воевода, – сказала она. – Женской. Это посильнее будет.

В тот же день разослали гонцов. К Марфе Строгановой – с предложением о встрече. К княгине Волконской – с приглашением в Царьград. К вдове Глебовой – с обещанием защиты. И к другим – тем, чьи имена Агафон выудил из своих списков.

А вечером, когда все разошлись, Лиза подошла к Дмитрию и положила голову ему на плечо.

– Ты не спросил, – сказала она тихо, – откуда я знаю про всех этих вдов и наследниц.

– Значит, не хотел, чтобы я спрашивал, – ответил он, обнимая её.

– Я готовилась, – сказала она. – Всё это время. Пока ты ждал митрополита, я искала тех, кто может стать нашим союзником. Я знаю каждую вдову, каждую наследницу, каждую купчиху, у которой есть промыслы и нет мужа. Я знаю, кто из них нуждается в защите, кто ищет союза, кто боится соседей. Я ждала, когда ты спросишь.

– А если бы я не спросил? – он погладил её по волосам.

– Спросил бы, – она подняла голову и посмотрела ему в глаза. – Ты всегда спрашиваешь, когда дело касается главного.

Он поцеловал её, и в этом поцелуе было всё: и благодарность, и нежность, и обещание. А потом она повела его в опочивальню, и в ту ночь они были особенно близки – не как государь и главная жена, а как два человека, которые строят вместе будущее.

Из «Хроники Посольского двора» (запись под 7096 г.):

«Великий князь, послушав совета супруги своей Елизаветы, повелел начать переговоры с владельцами соляных промыслов, рудников и речных перевозов о брачных союзах. Ибо, по слову государеву, "лучше привязать родством, чем держать силой". И разосланы были гонцы к Марфе Строгановой, к княгине Волконской, к вдове Глебовой и к иным, чьи промыслы составляют основу казны. И наказано было вести переговоры тайно, дабы не подняли цену те, кто ещё не определился, на чьей стороне сила».

Глава 3. Соль – золото земли

Из «Писцовой книги Камского уезда» (выписка, 7096 г.):

«Соляные варницы Строгановых на Каме – старейшие в государстве. Ещё при государе Иване Васильевиче жалованы им были земли за службу и за то, что промышляли солью, кормили казну. Ныне владеет тем промыслом вдова Марфа Строганова, что после мужа осталась, детей не имея. Роду её – многие лета, а наследников – нет».

Переговоры с Марфой Строгановой Лиза взяла на себя. Дмитрий только усмехнулся, когда она объявила об этом за утренним чаем:

– Думаешь, старая вдова испугается царя, а жену слушать станет?

– Не испугается, – ответила Лиза, поправляя рукой тяжелеющий живот. Она уже не скрывала беременности, и в её движениях появилась та медленная, плавная уверенность, которая бывает у женщин, знающих: время работает на них. – Но поймёт. Женщина женщину всегда поймёт лучше, чем мужчина.

Дмитрий хотел возразить, но передумал. Лиза знала своё дело. За годы в Царьграде она из робкой приживалки превратилась в хозяйку, чьё слово значило не меньше, чем его собственное. Тридцать шесть жён, сотни детей по всей стране – всё это требовало управления, интриг, дипломатии, и Лиза управляла. Лучше, чем он сам когда-либо смог бы.

– Действуй, – сказал он, целуя её в лоб. – Я буду ждать.

Марфа Строганова приехала в Царьград через две недели. Не с пустыми руками – за ней тянулся обоз с солью, рыбой, мехами, но главное – с грамотами, подтверждавшими права на варницы. Она была старой, но не дряхлой: высокая, прямая, с лицом, изрезанным морщинами, но глаза цепкие, живые. Одежда дорогая, но без излишеств – мех, сукно, серебряные пуговицы. Вдова, которая держала в руках промысел, кормивший полстраны, привыкла к уважению и знала ему цену.

Лиза приняла её в малой гостиной, без лишних свидетелей. На столе – чай, мёд, пироги. Сама Лиза в простом, но дорогом платье, волосы уложены по-домашнему, без княжеской кики. Чтобы не пугать. Чтобы говорить как равная с равной.

– Здравствуй, Марфа Тимофеевна, – сказала Лиза, поднимаясь навстречу. – Спасибо, что приехала. Дорога дальняя.

– Здравствуй, матушка, – Марфа поклонилась, но не низко – ровно настолько, чтобы уважение оказать, но себя не уронить. – Не ближний свет, да дело того стоит.

Они сели. Лиза налила чаю, пододвинула мёд. Марфа отпила, помолчала, оглядывая горницу – богато, но со вкусом, не крикливо. Оценила.

– Сказывают, ты, матушка, – начала она, ставя чашку, – из приживалок вышла. А ныне – главная жена. Значит, умеешь дело делать.

– Умею, – спокойно ответила Лиза. – И ты умеешь. Потому и говорим.

– Говори, – кивнула Марфа. – Зачем звала?

Лиза не стала ходить вокруг. С такими женщинами церемонии не нужны.

– Ты, Марфа Тимофеевна, держишь соляные промыслы, кои кормят полстраны. Соль – наше золото. Без неё ни хлеба не сварить, ни рыбы не засолить, ни казны не наполнить. Но ты одна. Стареешь. Наследников нет. Род Строгановых может прерваться. А мы – Соколовы – хотим, чтобы род твой продолжался. Чтобы промыслы остались в надёжных руках. И чтобы казна имела свой доход.

Марфа слушала, не перебивая. Только глаза сузились – прикидывала, взвешивала.

– И что вы предлагаете? – спросила она.

– Брак, – сказала Лиза. – Твоя племянница, Марья Строганова, девка справная, здоровая, умная. Дмитрий возьмёт её в жёны. По матриархальному праву, как у нас заведено. Дети её будут носить твоё имя – Строгановы. Промыслы останутся за вашим родом. Но ты сама... – Лиза помолчала, выбирая слова. – Ты сама войдёшь в наш род. Дмитрий станет тебе сыном. А ты – матерью. Такой, какую он не знал.

Марфа усмехнулась. Усмешка вышла горьковатой.

– Сыном? – переспросила она. – Анисья, мать его, жива. Ей-то что?

– Анисья – мать родная, – ответила Лиза. – Её никто не заменит. Но у Дмитрия может быть две матери. Одна – что родила, другая – что приняла в род. Как у Соколовых заведено.

И тебе, Марфа Тимофеевна, тоже нужен сын. Кто промыслы твои примет после тебя? Соседи? Мыши? Казённые приказчики? Или дитя, в котором твоя кровь и твоё имя?

Марфа молчала долго. Так долго, что Лиза уже начала сомневаться. Потом вдруг спросила:

– А сам-то он, Дмитрий? Что думает? Или ты за него решаешь?

– Мы решаем вместе, – ответила Лиза. – Но если ты хочешь увидеть его, он здесь.

– Покажи, – велела Марфа.

Дмитрий вошёл не сразу. Лиза успела шепнуть ему: «Будь прост, но не подобоострастен. Она ценит достоинство». Он кивнул и переступил порог.

Марфа оглядела его с ног до головы. Молодой, широкоплечий, в простом кафтане, без украшений. Глаза серые, спокойные. Она знала его историю – солдаткин, бычок, потом воин, потом царевич, а ныне – Великий князь. Прошёл огонь и воду, но в глазах не было той жестокости, что у других, кто из низов выбивался.

– Здравствуй, мать, – сказал он, кланяясь в пояс.

Марфа вздрогнула. Никто не называл её так. Никогда.

– Как звать-то? – спросила она, хотя знала.

– Дмитрием. А для тебя – хоть Митяй. Как мать звала.

– Митяй, – повторила она, и в голосе мелькнуло что-то тёплое, человеческое. – Сказывают, ты и нечисть бивал, и мышей, и рейховцев. Теперь вот царём хочешь стать. А зачем тебе моя соль?

– Чтобы кормить армию, – ответил он просто. – Чтобы казна не пустовала. Чтобы страна наша не развалилась, как пятьсот лет назад. Чтобы реки наши вернуть. И чтобы род Строгановых не пресёкся.

– Род, – усмехнулась Марфа. – Тебе-то что до моего рода?

– А то, – сказал Дмитрий, – что Соколовы собирают земли не войной, а родством. Чем больше родов с нами связано, тем крепче держава. Мне не нужны твои промыслы. Мне нужно, чтобы они были у того, кто будет с нами. У твоей племянницы. У твоих внуков. У твоей крови.

Марфа смотрела на него долго, и в глазах её боролись недоверие и надежда. Потом она перевела взгляд на Лизу, на её живот, на спокойное, уверенное лицо.

– А ты, матушка, – спросила она, – не ревнуешь? К племяннице-то? Молодая, красивая, а ты вон с пухом ходишь.

– Не ревную, – улыбнулась Лиза. – Я – главная жена. Мои дети будут главными наследниками. А её дети – Строгановы. У каждого своё место.

– И ты не боишься, что она Дмитрия от тебя отобьёт?

– Не отобьёт, – усмехнулся Дмитрий, и в этой усмешке было что-то от того мальчишки, который когда-то в бане стоял, девок убаюкивая, и терпел, потому что надо. – Я и не таких видал.

Марфа рассмеялась. Впервые за весь разговор – открыто, по-бабы, с присвистом.

– Ну, ладно, – сказала она, вытирая глаза. – Уговорили. Пусть будет Марья. Девка она справная, работающая, не избалованная. Вас не обременит. А промыслы наши – отцовское, дедовское – вам передам. Только, – она подняла палец, и в голосе зазвенела сталь, – чтоб имя Строгановых не позорили. Чтоб дети Марьи носили его с честью. И чтоб соль наша шла в казну по справедливой цене, а не за бесценок.

– Будет по-твоему, мать, – сказал Дмитрий и поцеловал ей руку.

В тот же вечер привезли Марью. Девушке было лет семнадцать, круглолицая, румяная, с толстой русой косой и большими серыми глазами. Она смотрела на Дмитрия с испугом и любопытством, на Лизу – с уважением. Её уже готовили, объясняли, что будет. Она знала, зачем её привезли, и приняла это спокойно.

Брачный договор подписали наутро. Пригласили послов, воевод, ближних людей. Марфа Строганова сидела в кресле, как мать жениха, и принимала поздравления. Впервые в жизни она была не одинока.

А ночью Дмитрий пришёл к Марье. Она ждала его в отведённых покоях, в белой рубаше, с распущенными волосами. При виде его встала, покраснела, опустила глаза.

– Не бойся, – сказал он, подходя. – Я не обижу.

Она кивнула, не поднимая глаз. Он взял её за подбородок, заставил посмотреть на себя. В глазах её был страх, но был и интерес. И желание быть нужной.

Он раздел её медленно, не торопясь, давая привыкнуть. Тело у неё было молодое, крепкое, груди высокие, соски розовые, бедра широкие – хорошая будет жена. Она стояла, дрожа, но не пряталась. Потом легла на постель, раздвинула ноги, зажмурилась. Он вошёл осторожно, чувствуя, как она сжимается, как закусывает губу, чтобы не вскрикнуть.

– Терпи, – сказал он. – Сейчас пройдёт.

Он двигался медленно, не торопясь, давая ей время привыкнуть. Она дышала часто, вцепилась пальцами в простыни, но не отстранялась. Когда боль ушла, она выдохнула, расслабилась, и он почувствовал, как её тело раскрывается, принимает.

– Теперь ты мой, – прошептала она, когда он кончил.

– А ты – моя, – ответил он, целуя её в висок.

Она прижалась к нему, и он чувствовал, как бьётся её сердце. Молодая, чистая, доверчивая. Такая же, как когда-то была Лиза. И такие же будут другие. Каждая – новый союз, новая нить в паутине, которая должна удерживать страну от распада.

Утром, когда он уходил, Марья спала, уткнувшись носом в подушку. На прощание он поцеловал её в лоб, и она улыбнулась во сне. А внизу уже ждал новый гонец, новая вдова, новый договор. И соль, которая станет золотом. И казна, которая наполнится.

Из «Хроники Посольского двора» (запись под 7096 г.):

«Великий князь Дмитрий Иванович, по совету супруги своей Елизаветы, заключил первый брачный договор с домом Строгановых. Взял в жёны Марью, племянницу Марфы Тимофеевны Строгановой, а саму Марфу Тимофеевну признал матерью. Соляные промыслы Прикамья, таким образом, перешли под руку Соколовых без войны и конфискации, токмо через родство. И сказал на то великий князь: "Не отнимать, а привязывать – вот наша наука". И повелел продолжать переговоры с иными владельцами промыслов и рудников».

Глава 4. Железо и медь

Из «Уральских рудных списков» (РГАДА, ф. 1209, оп. 2, д. 87):

«В Уральских горах, на землях, что отписаны были от казны Строгановым и иным промышленникам, ведают рудными промыслами княгиня Волконская (железо) да вдова Глебова (медь). Обе бабы справные, хозяйство держат твёрдо, мужиков при деле, казну не забывают. Роды их – древние, в Бархатных книгах записаны, а ныне, после смуты, одни остались».

После того как соляные промыслы Строгановых перешли под руку Соколовых, Лиза взялась за следующую цель. На сей раз – железо и медь. Без них не выковать ни сабли, ни плуга, ни гвоздя для корабля. Без них армия останется без оружия, а страна – без инструментов.

Княгиня Волконская, владелица железных рудников на Урале, приехала в Царьград через неделю после Марфы Строгановой. Она была моложе, лет сорока, с тонким, породистым лицом и холодными серыми глазами. Род Волконских – из тех, что в Бархатных книгах, «столбовой». Муж её погиб в войну с Шуйским, сыновей не осталось, только дочь, Анна, девятнадцати лет.

Лиза приняла её в той же малой гостиной, где говорила с Марфой. Но тон был иным. С Марфой – по-родственному, с Волконской – по-государственному.

– Княгиня, – начала Лиза, – вы знаете, зачем мы вас позвали.

– Знаю, – ответила Волконская, не поднимая глаз от чашки. – Строгановых уже взяли. Теперь моя очередь.

– Не взять, – поправила Лиза. – Объединиться.

– Какая разница? – усмехнулась княгиня. – Рудники мои, земля моя, люди мои. А вы хотите, чтобы я отдала всё за брак.

– Не за брак, – сказал Дмитрий, входя в горницу. Он не стал ждать, пока Лиза позовёт. С такими, как Волконская, надо говорить прямо. – За защиту. За союз. За то, чтобы ваш род не пресёкся, как пресёкся у многих.

Волконская подняла глаза. Взгляд её был тяжёл, недоверчив.

– Защиту? – переспросила она. – От кого? Мыши купцы, что у нас руду скупают, давят ценой. Соседи, что земли оттягивают. Казённые приказчики, что норовят всё себе забрать. Вы сможете защитить?

– Смогу, – ответил Дмитрий. – Вы даёте нам руду по цене, что мы назовём. Мы даём вам защиту, долю в госзаказах для армии и право участвовать в торгах наравне с казной. Ваша дочь, Анна, выходит за меня. По матриархальному праву. Дети её будут носить ваше имя – Волконские. Рудники останутся за вашим родом. Но вы сами войдёте в наш род. Как Строганова.

Волконская молчала. Пальцы её, униженные кольцами, белели на подлокотниках кресла.

– А если я откажусь? – спросила она.

– Тогда вы останетесь одна, – сказал Дмитрий. – Без союзников, без защиты, с соседями, которые только и ждут, когда вы ослабнете. С мышинными купцами, которые скупят вашу руду за бесценок. И с казной, которая рано или поздно найдёт способ взять своё. Я не хочу этого. Я хочу, чтобы мы были вместе.

Волконская смотрела на него долго. Потом перевела взгляд на Лизу.

– А ты что скажешь?

– Скажу, что он прав, – ответила Лиза. – Мы можем взять ваши рудники силой. Можем отписать на казну, как делали при царе Иване. Но не хотим. Мы хотим, чтобы вы сами захотели быть с нами. Чтобы ваш род продолжался. Чтобы ваша дочь не осталась одна, когда вас не станет.

При упоминании дочери Волконская дрогнула. Это был главный козырь. Женщина, потерявшая мужа, державшаяся только ради дочери, не могла не думать о том, что будет после.

– Анна, – сказала она, и голос её стал тише, – она ещё молода. Она не знает, что такое быть женой.

– Научится, – ответил Дмитрий. – Мы все учились.

– И невеста у вас – не первая. И не последняя. Не обидите?

– Не обижу, – сказал он. – Клянусь.

Волконская кивнула. Медленно, словно принимая тяжкое решение. Потом поднялась, подошла к окну, глянула на Кремль, на золотые купола, на дорогу, уходящую на восток – туда, где ждали её рудники, её люди, её жизнь.

– Хорошо, – сказала она, не оборачиваясь. – Пусть будет по-вашему. Но я хочу видеть, как вы с Анной. И хочу, чтобы договор был подписан при свидетелях. Не тайно, как у Строгановых, – открыто. Чтобы все знали: Волконские – с Соколовыми.

– Будет открыто, – сказал Дмитрий. – При всём дворе.

Анну привезли на следующий день. Она была не похожа на Марию Строганову – не круглолицая, не румяная, а тонкая, светловолосая, с большими серыми глазами, в которых застыла печаль. Мать готовила её к этому, но девушка всё равно казалась испуганной.

Дмитрий вошёл к ней вечером, когда уже стемнело. Она сидела у окна, сложив руки на коленях, и смотрела на звёзды.

– Боишься? – спросил он, садясь рядом.

– Нет, – ответила она, но голос дрожал. – Матушка сказала, что вы добрый. Что не обидите.

– Не обижу, – сказал он.

Она повернулась к нему. В свете свечи лицо её казалось бледным, почти прозрачным. Он взял её за руку, холодную, тонкую.

– Расскажи о себе, – попросил он. – Что любишь? Чем занимаешься?

Она удивилась. Видимо, ждала другого – сразу к делу.

– Я... – замялась. – Читаю. Матушка учила. И по хозяйству помогаю. Счета веду, приказчиков проверяю.

– Умница, – сказал он. – Лиза тоже счета ведёт. Вы подружитесь.

Она улыбнулась – робко, неуверенно. И вдруг спросила:

– А вы... вы её любите? Лизу?

– Люблю, – ответил он. – И тебя буду любить. По-своему. Каждую по-своему.

Она кивнула, и в глазах её мелькнуло что-то – облегчение, надежда.

Он раздел её медленно, не торопясь. Тело её было тонким, почти девичьим, груди маленькие, бедра узкие – не такая справная, как Марья, но в ней было что-то своё, трогательное. Она стояла, не прячась, но вся дрожала. Он обнял её, прижал к себе, дал согреться. Потом отнёс на постель, уложил, накрыл одеялом.

– Не бойся, – шепнул он. – Я всё сделаю, чтобы тебе было хорошо.

Она закрыла глаза. Он вошёл осторожно, чувствуя, как её тело напряжено, как она закусывает губу, чтобы не вскрикнуть. Он двигался медленно, терпеливо, давая ей время привыкнуть. Постепенно напряжение ушло, она выдохнула, расслабилась, и он почувствовал, как её тело раскрывается, принимает.

– Хорошо? – спросил он.

– Хорошо, – прошептала она, и в голосе её было удивление.

Потом она лежала у него на плече, тихая, счастливая.

– Я думала, будет хуже, – сказала она. – Матушка говорила, что первая ночь всегда страшная.

– У нас с тобой не страшная, – ответил он, целуя её в висок.

Она улыбнулась и уснула, а он ещё долго лежал, глядя в потолок. Две жены за неделю. Соль, железо. Теперь – медь.

С медными рудниками вышло сложнее. Вдова Глебова, владелица промыслов, была не из «столбовых» – род её поднялся при царе Михаиле, на медных деньгах. Она была молода, лет тридцати, красива, умна и не спешила отдавать своё богатство в чужие руки. На предложение Дмитрия ответила отказом: «Я сама себе хозяйка. Замуж не хочу».

Лиза не отступила. Она приехала к Глебовой сама, без Дмитрия, и говорила с ней целый день. О чём – никто не знал. Но когда Лиза вернулась, в глазах её было спокойствие.

– Согласилась, – сказала она Дмитрию. – Но на своих условиях.

– Каких?

– Ты женишься на её сестре, вдове, что живёт в монастыре. Глебова сама остаётся при деле, но входит в наш род через сестру. Промыслы – её, но дети сестры будут носить имя Глебовых. И мы даём ей место в совете по торговле.

– А она? – спросил Дмитрий. – Чего хочет она?

– Власти, – усмехнулась Лиза. – Как и все мы.

Сестру Глебовой, Настасью, привезли из монастыря. Она была тиха, богомольна, но, узнав, что её ждёт, не отказалась. В монастыре ей было холодно и голодно. А здесь – муж, дом, дети, которые будут носить её имя.

Ночь с Настасьей была совсем иной. Она не боялась – она ждала. Легла на постель, раздвинула ноги, закрыла глаза. Он вошёл в неё, и она застонала – не от боли, от облегчения.

– Господи, – прошептала она, – как же я этого ждала.

Он не спрашивал, чего именно. Может, тепла. Может, близости. Может, просто того, чтобы её кто-то обнял. Он обнял, и она уснула у него на плече, тихая, умиротворённая.

Утром, когда он уходил, она сказала:

– Спасибо.

– За что? – спросил он.

– За то, что вытащили меня оттуда. За то, что дали надежду.

Он поцеловал её в лоб и вышел. Внизу ждала Лиза, с новыми списками, новыми вдовами, новыми браками.

– Сколько ещё? – спросил он.

– Десять, – ответила она. – Может, больше. Но теперь дело пойдёт быстрее. Строгановы, Волконские, Глебовы – это пример. Остальные сами придут.

– А если не придут?

– Придут, – улыбнулась Лиза. – Умные придут. А глупых заставим.

Он обнял её, и они пошли завтракать. Впереди был новый день, новые переговоры, новые жёны. И казна, которая понемногу наполнялась.

Из «Хроники Посольского двора» (запись под 7096 г.):

«Великий князь Дмитрий Иванович, по совету супруги своей Елизаветы, заключил брачные союзы с домами Волконских и Глебовых. Железные и медные рудники Урала, таким образом, перешли под руку Соколовых. Княгиня Волконская и вдова Глебова, признав великого князя сыном, а сами войдя в его род, получили защиту, долю в госзаказах и место в совете по торговле. И сказал на то великий князь: "Не силой, а родством держится держава". И повелел готовить переговоры с иными владельцами промыслов».

Глава 5. Тайные переговоры с орденами

Из «Отчёта Посольского приказа о сношениях с орденами» (7096 г.):

«Золотой орден, коему поручен путь по Итилии от верховьев до Каспия, держит Верховная магистра, родом из греков, имя ей Ефросинья. Стара, бездетна, правит твёрдо, но ищет, кому передать власть. Серебряный орден, на Днепре, более закрыт, глава его – князь-магистр Витольд, литвин, сторонник независимости, но внутри ордена зреет недовольство его правлением. Оба ордена, как явствует из старых хартий, имеют право принимать в свои ряды "достойных мужей и жён, кои докажут свою силу и преданность пути"».

Пока Лиза вела переговоры с вдовами и наследницами, Дмитрий готовил другую, более сложную игру. Реки – Днепр и Итиль – не могли ждать. Казна наполнялась по крупницам, но настоящие деньги текли там, по синему руслу, где суда тянули бечевой, где в порогах гибли барки, где каждый перевоз приносил доход, которого хватило бы на целую армию.

Купчиха Феодосия, та самая, что когда-то везла оружие в лагерь посконцев, та, что стала его глазами и ушами на торговых путях, взялась за Золотой орден. У неё были там связи – через персидских купцов, через волжских перевозчиков, через старых знакомых, что помнили её ещё по тем временам, когда она торговала с Болотной страной.

– Есть одна, – сказала она Дмитрию, когда они остались вдвоём в его кабинете. – Верховная магистра. Зовут Ефросинья. Родом из греков, но уже лет пятьдесят как здесь. Стара, бездетна, но власть держит крепко. Ищет, кому передать дело. Не наёмнику – своему.

– Своему? – переспросил Дмитрий.

– По крови или по духу, – ответила Феодосия. – Она стара, государь. Ей нужен сын. Не по рождению – по делу. Тот, кто продолжит её путь. Кто будет хранить Итиль так же, как хранила она. И кто не отдаст путь ни мышам, ни рейховцам, ни тем более северянам.

– И ты предлагаешь...

– Я предлагаю тебе встретиться с ней, – сказала Феодосия. – Не как великому князю – как равному. Как тому, кто тоже собирает земли, кто тоже держит путь. Она оценит.

Встречу назначили в Нижнем Новгороде, на полпути между Царьградом и землями ордена. Дмитрий поехал с малым отрядом – только Агафон, Феодосия и десяток гайдуков. Лиза осталась в Царьграде – вести переговоры, готовить следующих невест, ждать.

Ефросинья оказалась не такой, как он представлял. Он ждал сухую, властную старуху в чёрных одеждах, с посохом и свитой. Она же приехала на простой лодье, с двумя служанками и старым писцом. Одежда простая, дорожная. Только глаза выдавали – чёрные, глубокие, в которых горел огонь, не погасший за долгие годы.

– Великий князь, – сказала она, когда они сели в избе, наскоро приготовленной для встречи. – Я слышала о тебе. Солдаткин, бычок, воин, царевич. А теперь – собиратель земель.

– Слышала и про другое, – усмехнулся Дмитрий. – Что я самозванец, что венчания не прошёл, что власть моя неполна.

– Это поправимо, – ответила Ефросинья. – Вопрос времени. Вопрос того, кто будет с тобой. Орден не признаёт царей. Он признаёт тех, кто держит путь. Кто может защитить Итиль. Кто не даст ей замёрзнуть, обмелеть, уйти в чужие руки.

– Я хочу вернуть реки, – сказал Дмитрий. – Не отнять – вернуть. Чтобы они снова были нашими. Общими. Чтобы пошлины шли в казну, чтобы суда ходили без опаски, чтобы купцы торговали, а не откупались.

– И для этого ты готов стать нашим? – Ефросинья смотрела на него в упор.

– Я готов стать своим, – ответил он. – Как стал своим в Посконии. Через брак, через усыновление, через дело. Как ты сама хочешь.

Она долго молчала. Потом кивнула писцу, и тот развернул свиток.

– В ордене, – сказала она, – есть древний обычай. Преемник проходит испытание. Не кровью – делом. Он должен доказать, что может держать путь. У нас на Итили есть место – Жигулёвские горы, где пороги самые трудные. Там стоит старый столб, дубовый, ещё с тех времён, когда первые магистры ставили его. Тот, кто сможет поднять судно против течения, используя этот столб, тот достоин быть нашим.

– Испытание? – переспросил Дмитрий.

– Испытание, – подтвердила Ефросинья. – Не для тела – для духа. Ты пройдёшь его – и я признаю тебя своим сыном. Введу в орден. А там... там и до рек недалеко.

– А если не пройду? – спросил он.

– Значит, не судьба, – усмехнулась она. – Но я вижу: пройдёшь.

Пока Дмитрий готовился к испытанию на Итили, Радзивилл вёл свою игру на Днепре. Серебряный орден был сложнее. Он возник в те же времена, что и Золотой, но князь-магистр Витольд, литвин по рождению, держал его железной рукой. Независимость, жёсткие правила, недоверие к посконцам – всё это делало переговоры почти невозможными.

Но Радзивилл знал, где искать слабые места.

– В ордене есть недовольные, – сказал он Дмитрию, вернувшись из тайной поездки на Днепр. – Старшины, которые помнят, как их отцы торговали с Посконией. Молодые, которые не хотят вечно сидеть в тени литвинов. И женщины.

– Женщины?

– В ордене, как и везде, женщины держат многое. Жёны старшин, вдовы, дочери. Они помнят старые порядки. Они хотят, чтобы их дети носили их имена. Чтобы земли, которые они держат, оставались в их роду. Городское право, что ввели Витольд и его сторонники, отнимает у них всё. Они ищут союзника.

– И ты нашёл такого?

– Нашёл, – кивнул Радзивилл. – Вдова старшины, Марфа Берестова. Её муж погиб при подъёме судна, она осталась одна с дочерью и сыном. По городскому праву, земли ордена отхо-

дят к казне, если нет наследника-мужчины. Но есть обычай, старый, матриархальный, по которому вдова может держать землю, пока не выйдет замуж. Она держит. Но Витольд давит.

– И что она хочет?

– Защиты, – ответил Радзивилл. – И мужа для дочери. Такого, кто войдёт в её род, а не заберёт её земли. Такого, кто будет с орденом, но не с Витольдом.

– И она готова говорить?

– Она уже здесь, – сказал Радзивилл. – Ждёт внизу.

Марфа Берестова оказалась женщиной лет сорока, крепкой, с тяжёлыми руками и спокойным взглядом. Она не кланялась, не заискивала – смотрела прямо, оценивая.

– Сказывают, ты реки вернуть хочешь, – сказала она, едва сев.

– Хочу, – ответил Дмитрий.

– И что ты дашь нам?

– Защиту. Право держать земли по старому обычаю. И мужа для твоей дочери, который войдёт в ваш род, а не заберёт его.

– А что ты возьмёшь?

– Путь, – сказал Дмитрий. – Чтобы по Днепру ходили наши суда. Чтобы пошлины шли в нашу казну. Чтобы орден признал нашу власть.

– Витольд не признает, – покачала головой Марфа.

– Витольда сменим, – усмехнулся Радзивилл. – Когда придёт время.

Марфа смотрела на них долго. Потом кивнула.

– У меня есть дочь, Настасья. Ей шестнадцать. Она умна, здорова, справна. Возьми её в жёны, и я буду с вами. И те старшины, что ещё помнят старые порядки, тоже будут.

– А Витольд? – спросил Дмитрий.

– Витольд стар, – ответила Марфа. – Он умрёт. Или его заставят уйти. Когда придёт время. А пока... пока мы будем ждать.

В ту же ночь Дмитрий встретился с Настасьей. Она была не похожа на других – не робкая, не испуганная. Смотрела на него с любопытством и даже вызовом.

– Матушка сказала, что ты возьмёшь меня в жёны, – сказала она, когда они остались вдвоём. – И что я буду править землями, которые она держит.

– Будешь, – ответил он.

– А если я не захочу?

– Захочешь, – усмехнулся он. – Ты дочь своего рода. Ты знаешь, что значит держать землю. И знаешь, что без союзников её не удержать.

Она смотрела на него долго. Потом вдруг улыбнулась – открыто, по-девичьи.

– А ты красивый, – сказала она. – Говорят, у тебя много жён. И все довольны.

– Стараюсь, – ответил он.

Она сама подошла к нему, сама разделась, сама легла на постель. Не боялась – ждала. Он вошёл в неё, и она застонала – не от боли, от удовольствия. Потом, когда всё кончилось, лежала у него на плече и говорила, говорила – о Днепре, о судах, о том, как отец учил её держать бечеву, как он погиб, когда канат лопнул и столб дал трещину.

– Я хочу, чтобы столбы стояли, – сказала она. – Чтобы суда ходили. Чтобы никто не умирал зря.

– Будут стоять, – пообещал он. – Я сделаю.

Она уснула, а он лежал и думал: две реки, два ордена, два пути. Один – через испытание, другой – через заговор. И оба – через женщин. Женщина, которая держит Итиль, и женщины, которые держат Днепр. Они придут к нему сами, если он докажет, что достоин.

Он поцеловал спящую Настасью и вышел в ночь, где ждали новые переговоры, новые союзы, новые пути. И реки, которые скоро станут его.

Из «Писцовой книги Разрядного приказа» (черновик, 7096 г.):

«Великий князь Дмитрий Иванович, ведя тайные переговоры с Золотым и Серебряным орденами, определил для себя два пути: на Итили – через испытание и усыновление Верховной магистрой Ефросиньей; на Днепре – через союз с недовольными старшинами и брак с дочерью вдовы Берестовой. И сказал на то великий князь: "Не силой, а родством держатся реки. Ибо столб, что в землю вкопан, держит не только судно, но и род". И повелел готовиться к испытанию на Жигулёвских горах».

Глава 6. Северный вопрос

Из «Отчёта Посольского приказа о сношениях с Северным королевством» (7096 г.):

«В ноябре месяце прибыли в Царьград послы Северного королевства, ярл Сигурд и его сын Эйрик, с предложением брака между принцессой Кристиной и великим князем Дмитрием Ивановичем. Условия их таковы: возврат Смоленска и пяти губерний; признание великого князя титулом "Великий князь" (в переводе на их язык – "герцог"), но не царь; свободная торговля на всей территории Посконии; право северян на свою веру и свои обычаи на возвращённых землях. Послы настаивают на скорейшем ответе, угрожая в противном случае ужесточить условия».

Дмитрий принял северных послов в Грановитой палате, во всём блеске, какой могла дать пустая казна. На стенах – старые знамёна, на страже – элитный полк в новых кафтанах, на столе – серебряные кубки, которые ещё не ушли в переплавку. Ярл Сигурд, высокий, седой, с лицом, изрезанным морозом и ветром, оглядел всё это с лёгкой усмешкой. Он бывал в Царьграде и раньше – при царевице Иване, при Шуйском. Знал цену этим стенам.

– Великий князь, – начал он, едва церемонии кончились, – наше предложение остаётся в силе. Принцесса Кристина ждёт вашего ответа. Смоленск и пять губерний ждут возвращения под вашу руку. Но время не ждёт.

– Я помню ваши условия, – ответил Дмитрий, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Брак. Смоленск. Свободная торговля. И признание меня... Великим князем.

– Именно, – кивнул ярл. – Для нас вы – великий герцог. Правитель, достойный уважения. Но не царь. Цари – в Константинополе. Вы же сами знаете, что без венчания, без митрополита...

– Митрополит уже в пути, – перебил Дмитрий. – Скоро он будет здесь. И тогда...

– И тогда вы станете царём? – усмехнулся Сигурд. – Для своих – может быть. Для нас – вы останетесь великим князем. Такова правда, государь. Ваш титул не признают ни мы, ни Мышиное королевство, ни ордена, ни тем более Западный Рейх. Пока вы не венчаны, вы для всех – просто сильный правитель, который собрал земли, но не получил благословения.

Дмитрий сжал под столом кулак, но лицо осталось спокойным. Он знал, что ярл прав. Знал, что без венчания его титул – пустой звук для внешнего мира. Но принять эти условия значило признать себя ниже северного короля. Значило отдать то, за что боролся.

– Мы подумаем, – сказал он, поднимаясь. – Вы отдохнёте с дороги. Ответ будет через три дня.

Ярл поклонился, но в глазах его мелькнуло торжество. Он знал, что Дмитрию некуда спешить. Что Смоленск – его слабое место. Что без возврата этих земель ни о каком царстве не может быть и речи.

– Унизительно, – сказал Шереметев, когда послы ушли и совет собрался в малой думной. – Они что, всерьёз думают, что мы отдадим Смоленск за право называться герцогом?

– Не отдадим, – ответил Радзивилл. – Но и не возьмём силой. У нас нет армии для войны с Севером. Не сейчас.

– А что у нас есть? – спросил Агафон. – Казна пуста, митрополит в пути неизвестно где, ордена только начинают нам доверять. Северяне это знают. Потому и дают.

Лиза, сидевшая в углу, молчала. Дмитрий смотрел на неё, ждал. Она всегда находила слова, когда он не знал, что сказать.

– Надо тянуть время, – сказала она наконец. – Митрополит близко. Как только он будет здесь, как только венчание состоится – мы станем царством. И тогда северянам придётся договариваться на других условиях.

– А если митрополит задержится? – спросил Шереметев. – Если не приедет до весны? Северяне не будут ждать.

– Будут, – ответила Лиза. – Им тоже выгодно, чтобы мы были сильны. Слабая Псковия – это хаос, разбой на дорогах, закрытые пути. А сильная – это торговля, доходы, стабильность. Они хотят унижить нас, но не хотят нашей гибели.

– И что ты предлагаешь? – спросил Дмитрий.

– Ответить, что мы согласны на брак, но просим отсрочки до прибытия митрополита. Скажем, что хотим, чтобы венчание и свадьба прошли вместе. Это будет торжественно, красиво, – она усмехнулась, – и даст нам время.

– А если они не согласятся?

– Согласятся, – сказала Лиза. – Ярл Сигурд – умный человек. Он понимает, что спешка ни к чему. Ему нужен договор, а не война. А мы... мы покажем ему, что готовы к переговорам. Что мы – не враги. Что Смоленск вернётся, но на наших условиях.

Три дня Дмитрий не давал ответа. Он водил ярла по Кремлю, показывал соборы, оружейную палату, новые укрепления. Устраивал охоту, пиры, встречи с боярами. А сам считал дни, часы, минуты. Каждый гонец, въезжавший в ворота, казался ему вестником с Днепра.

На третий день пришло письмо от Феодосии: «Встреча с магистром назначена. Жду». Дмитрий спрятал его за пазуху и пошёл к ярлу.

– Мы согласны, – сказал он, глядя в холодные глаза северянина. – Брак с принцессой Кристиной. Возврат Смоленска и пяти губерний. Свободная торговля. Но с одним условием.

– С каким? – ярл прищурился.

– Мы хотим, чтобы венчание на царство и свадьба прошли вместе. Чтобы принцесса Кристина приняла нашу веру и стала царицей. Чтобы её дети носили имя Соколовых. И чтобы в договоре было записано: мы – царство. А я – царь.

– Это невозможно, – отрезал ярл. – Вы не венчаны. Вы – великий князь. Так вы записаны во всех наших бумагах.

– В ваших – да, – сказал Дмитрий. – А в наших – будет царь. Митрополит уже в пути. К весне он будет здесь. Мы подождём до весны. А вы подождёте вместе с нами. И тогда, когда я приму венчание, ваша принцесса станет царицей. Это будет честь для неё и для вашего дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.